В. В. ФРОЛЬЦОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ФРГ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1990-е гг.

Обозначены и рассмотрены экономические интересы Германии на постсоветском пространстве в 1990-е гг. в целом, сопоставлено значение отдельных стран для их реализации. Полученные результаты позволяют выявить степень заинтересованности деловых кругов ФРГ в расширении сотрудничества с различными постсоветскими странами и определить наиболее привлекательные для Германии направления такого взаимодействия в начале XXI в.

The German economic interests in the post-soviet space in the 1990s were identified and considered as a whole, as well as an importance of certain countries for their implementation was compared. The received results allow revealing an interest of the German business in expanding cooperation with some post-soviet countries and defining the most attractive for the FRG directions of this interaction at the beginning of the XXI century.

Германские интересы в сфере экономики на постсоветском пространстве, постепенное формирование которых началось именно в 1990-е гг., т. е. в период нахождения у власти в Германии правительства Г. Коля (1982–1998), представляют интерес и в настоящее время. Он обусловлен прежде всего необходимостью определения места бывших республик СССР в рамках этого направления внешней политики ФРГ, которое во многом было обозначено именно в данный исторический период. Вместе с тем оно продолжает учитываться немецким руководством и деловыми кругами этой страны и в начале XXI в., что обусловливает актуальность такого исследования и его практическую значимость для планирования внешнеполитического курса белорусского государства.

Следует также отметить, что отдельные аспекты указанной проблематики применительно к различным государствам постсоветского региона уже нашли отражение в работах ряда авторов. Среди них можно назвать А. В. Русаковича, А. В. Шарапо и др. (Республика Беларусь), В. А. Раевского, (Россия), В. В. Солошенко, В. В. Химинца, А. В. Скрипцова и др. (Украина), А. Даухерт (страны Прибалтики) и т. д. Вместе с тем особое значение для всесторонней и объективной оценки нынешней политики Германии в этой области приобретает и рассмотрение ее экономических интересов на постсоветском пространстве в целом, а также сопоставление значения отдельных стран для их реализации. Именно такой подход позволяет выявить реальную степень заинтересованности деловых кругов ФРГ в расширении сотрудничества с отдельными постсоветскими странами и определить наиболее привлекательные для Германии направления такого взаимодействия. Решению этих исследовательских задач и посвящена данная статья.

Уже в начале 1990-х гг. руководство Германии обратило внимание на те возможности для экономики, которые открывались в связи с переходом постсоветских государств к новой модели социально-экономического устройства. Это и освоение новых рынков сбыта для немецких товаров и услуг, и участие в процессе приватизации бывших советских предприятий, и не в последнюю очередь – доступ к вложению капитала в наиболее прибыльные производства, включая энергетику, добычу нефти, газа и других минеральных ресурсов.

Как свидетельствовал член Президентского Совета СССР Е. М. Примаков, уже в июле 1991 г. в ходе переговоров лидеров «большой семерки» с М. С. Горбачевым в Лондоне Г. Коль заявил об интересе Германии к созданию западных консорциумов в области добычи нефти и газа. ФРГ была готова и к участию в усовершенствовании советских АЭС. Канцлер призвал советского лидера оказать этим проектам активную поддержку[1].

Тем не менее в интервью, опубликованном в «Российской газете» через двадцать лет после этих переговоров, М. С. Горбачев заявил, что глава правительства Германии «промолчал», когда на саммите обсуждался вопрос о кредите СССР в размере 30 млрд долл. Глава МИД ФРГ Г.-Д. Геншер, по словам бывшего советского президента, поддержал выделение этих средств, однако руководители США и Японии отказали Советскому Союзу в необходимой финансовой помощи. В пользу предоставления кредита высказались лишь президент Франции Ф. Миттеран и глава Европейской комиссии Ж. Делор[2]. Именно эта проблема в наибольшей степени волновала осенью 1991 г. руководство СССР. Так, в оказавшихся в распоряжении у немецкого еженедельника «Шпигель» ранее не публиковавшихся документах из личного архива М. С. Горбачева приведены свидетельства его настойчивых просьб к правительству ФРГ. Президент Советского Союза обращался персонально к Г.-Д. Геншеру и статс-секретарю в министерстве финансов Х. Кёлеру о срочном оказании экономической помощи СССР в сентябре 1991 г.[3]

Осторожный подход правительства Г. Коля к этим просьбам являлся свидетельством не только определенного недоверия к экономической политике советского руководства. Германия склонялась к иному варианту отношений и с распадавшимся СССР, и стремившимися к независимости союзными республиками. Немецкие деловые круги при поддержке властей старались избегать выделения

кредитов непосредственно государству. Они в первую очередь стремились проникнуть на советский рынок и получить возможность инвестировать в наиболее прибыльные секторы экономики. В качестве примеров таких инвестиций издаваемый Ведомством печати и информации федерального правительства журнал «Гутен Таг» на русском языке называл инвестиции компании «Люфтганза» в сферу организации авиаперевозок, а также в производство медикаментов в Беларуси (речь шла об основанном в 1989 г. СП «Фребор» в Борисове). Кроме того, германские фирмы уже поставляли в охваченный экономическим кризисом Советский Союз дорогостоящее промышленное оборудование, строительную и горнодобывающую технику, продукцию точного машиностроения[4]. Немецкие фирмы получали прибыль не только от увеличения оборота, но и от размещения советских заказов на своих предприятиях[5].

Именно о таком формате взаимодействия говорилось и на ежегодном заседании германо-советской экономической комиссии в Москве в 1990 г. За год до распада СССР стороны договорились «углублять сотрудничество в областях с высокими затратами на научные исследования и технические разработки». Среди них назывались самолето- и судостроение, производство медицинской техники, телевизоров последнего поколения, информационной и вычислительной техники. Министр экономики ФРГ Г. Хауссманн при этом заявил, что «желательно и необходимо» построить еще один, второй по счету газопровод для поставок советского газа в Германию. Он также выразил готовность оказать помощь СССР в конверсии военной промышленности. Министр напомнил и о миллиардном советском долге в немецких марках перед германскими поставщиками продукции, пригрозив «тяжелыми помехами» в торговле уже в ближайшей перспективе[6].

Тем не менее немецкий высокотехнологичный экспорт продолжал поступать на гигантский рынок на Востоке с учетом рентабельности и перспективности такой торговли для ФРГ, поставлявшей дорогостоящее и высокотехнологичное оборудование, машины, станки и т. д. в обмен на сырье и иные более дешевые товары. Желание иметь двустороннюю торговлю во многом обусловило последовательное стремление правительства Г. Коля сохранить единое экономическое пространство на Востоке. Распад же СССР на отдельные республики с перспективой закрытия их узких внутренних рынков друг от друга грозил немецким компаниям исчезновением так называемого «эффекта масштаба» от торговли на гигантском рынке со значительным числом потребителей.

В связи с этим настойчивые призывы к сохранению тесных экономических связей между бывшими советскими республиками, как уже отмечалось, постоянно присутствовали в выступлениях Г. Коля в начале 1990-х гг. Кроме того, его правительство было вынуждено содействовать решению проблем, связанных с тяжелейшими последствиями экономического кризиса последних лет существования Советского Союза. Резкое ухудшение состояния экономики новых независимых государств могло привести к угрозе непредсказуемых социальных и политических потрясений, способных повлиять на мировую политику в целом. Исходя из этого, уже рассмотренные интересы ФРГ в сфере безопасности в указанный период в значительной степени влияли и на приоритеты ее экономического сотрудничества с постсоветскими странами.

Все эти проблемы были затронуты Г. Колем в ходе его выступления в бундестаге 6 ноября 1991 г. с правительственным заявлением по итогам саммита НАТО в Риме и конференции ЕЭС в Маастрихте. Говоря о «драматическом развитии экономики в СССР», он призвал предстоящей зимой позаботиться об обеспечении минимальных ежедневных потребностей его жителей путем оказания им продовольственной помощи. Г. Коль призвал к соучастию другие страны – члены «большой семерки», подчеркнув при этом в первую очередь немецкую ответственность за оказание помощи в то время, пока «Советский Союз и республики ищут новую структуру» (союза). Кроме того, канцлер не преминул напомнить о том, что большое число советских солдат все еще присутствовали на территории Германии, а договоренности об их окончательном выводе находились в стадии реализации. Г. Коль также подчеркнул, что установление и дальнейшее укрепление мира, свободы, социальной рыночной экономики и правопорядка в СССР и «в настоящее время формирующихся республиках» в интересах не только Европы, но и всего мира. В заключение канцлер еще раз призвал все западные демократии поддержать шанс на демократическое развитие в этой части света. Завершение выступления главы правительства было встречено аплодисментами депутатов от всех фракций бундестага, кроме депутатской группы ПДС[7].

С большой настороженностью к возможным последствиям распада единого экономического пространства Советского Союза относились и экономисты, работавшие в правительстве Г. Коля. Так, по воспоминаниям председателя Правления Государственного банка СССР В. В. Геращенко на встрече представителей союзных республик с миссией «большой семерки», которая проходила 18–21 ноября 1991 г. в Москве и была посвящена проблеме погашения внешнего долга Советского

Союза, присутствовал Х. Кёлер, доверенное лицо канцлера (шерпа) и статс-секретарь в министерстве финансов. В 2004–2010 гг. он занимал пост федерального президента. По свидетельству В. В. Геращенко, немецкий экономист с обеспокоенностью наблюдал за спором представителей союзных республик, опасаясь, что им так и не удастся договориться по поводу процедуры погашения советского долга[8].

Скептические оценки правительства ФРГ во многом были обусловлены предварительными расчетами по поводу экономической жизнеспособности новых независимых государств. Как указывал Е. М. Примаков, при пересчете межреспубликанских поставок на мировые цены в 1988 г. прибыль в объеме 28,5 млрд инвалютных рублей могла получить лишь РСФСР. Остальные республики сразу же столкнулись бы с проблемой отрицательного сальдо во внешней торговле[9].

Нельзя забывать и о том, что в первой половине 1990-х гг. у правительства Г. Коля появились серьезные трудности в процессе реформирования экономики восточных земель и ее интеграции в единую общегерманскую систему. Этот процесс требовал больших финансовых вливаний для минимизации тяжелых социальных издержек этих процессов. В связи с этим гораздо более актуальной проблемой для правительства ФРГ становилось оказание помощи восточногерманским предприятиям, которые теряли традиционный рынок в СССР для сбыта своей продукции. С этой целью им предоставлялись экспортные кредитные гарантии правительства Германии по линии акционерного общества «Гермес»[10]. Кроме того, в 1991 г. советскому руководству поступили предложения от крупнейшего в ФРГ «Дойче банка», который готов был предоставить СССР кредиты для восстановления производственной кооперации с восточногерманскими предприятиями[11].

После окончательного распада Советского Союза в силу ориентации немецкого капитала на освоение наиболее крупных и перспективных рынков привилегированным внешнеэкономическим партнером на постсоветском пространстве становилась Россия. Значение всех остальных государств для интересов ФРГ в сфере экономики определялось рядом объективных факторов. Среди них ключевую роль играли емкость внутреннего рынка и покупательская способность населения, наличие развитой инфраструктуры и квалифицированных работников, в первую очередь для обслуживания филиалов и представительств немецких компаний, возможность доступа к приватизации наиболее рентабельных производств, уровень коррупции и преступности, политическая и социальная стабильность.

Вместе с тем отчетливо обозначившиеся к середине 1990-х гг. противоречия в рамках СНГ уже не позволяли немецким инвесторам надеяться на скорое воссоздание единого экономического пространства на территории бывшего СССР[12]. Необходимо было осваивать новые рынки, особенно те, которые находились в его европейской части, что давало возможность минимизировать транспортные издержки.

Все эти обстоятельства сразу же предопределили интерес немецкого капитала к Украине и Беларуси. Их рынок уступал российскому, но торговля с этими странами была способна приносить прибыль, что, собственно говоря, и отражало хроническое отрицательное сальдо во внешнеторговом обороте Германии с обеими странами и в 1990-е, и в 2000-е гг.

Взаимодействие со странами Прибалтики, экономики которых уже в первые годы независимости были переориентированы на рынок Европы, в свою очередь, сопровождалось достаточно жесткой конкуренцией. ФРГ так и не удалось стать ведущим торгово-экономическим партнером для всех трех государств. На их рынках весьма активно действовали компании из других европейских стран, в первую очередь из Швеции и Финляндии.

В случае же с остальными республиками СССР германские деловые круги проявляли большую осторожность. Со странами Закавказья и Центральной Азии принимался во внимание еще и такой фактор, как их географическая удаленность от европейского рынка и вероятные сложности с транспортировкой грузов через территорию других бывших советских республик в условиях нестабильности первых лет после распада Советского Союза. Эти проблемы осложняли работу немецких компаний даже с крупнейшей из них – Казахстаном.

Определенное представление о значении отдельных стран – членов СНГ для интересов Германии в сфере экономики можно составить, рассмотрев, например, распределение помощи немецким предприятиям, работавшим на рынке бывшего СССР, в рамках государственной кредитной линии «Гермес». С 1994 г. с учетом все более возрастающих экономических противоречий между странами – участницами СНГ для каждой из них определялись рамочные квоты. Общая сумма кредитных выплат на этот год была определена в 3,5 млрд марок. Из них на Россию приходилось 2,5 млрд (71 %), Казахстан – 400 млн (11 %), Беларусь и Украину – по 300 млн на каждую страну (8,6 %). Для Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Молдовы средства выделялись в каждом конкретном

случае при условии проведения соответствующей проверки. На Армению, Азербайджан, Грузию и Таджикистан возможность получения правительственных кредитных гарантий не распространялась[13].

Банковский сектор Германии также был заинтересован в расширении возможностей для работы на рынках постсоветских государств, рассчитывая вытеснить с них более слабые местные банки. Такой расчет не оправдался из-за активных усилий правительств новых независимых стран по сохранению контроля над банковской сферой. Тем не менее интерес к этому региону в банковских кругах ФРГ продолжал сохраняться. Немецкие банки активно участвовали в совместных проектах, подготовке национальных кадров и т. д. Так, из всех мероприятий, проведенных Немецким федеральным банком (Бундесбанком) в 2001 г. с целью обучения иностранных специалистов, две трети предназначались для представителей девяти стран, среди которых были Россия, Азербайджан, Украина, Таджикистан и Литва. С 1992 г., когда началось техническое сотрудничество между центральными банками, 80 % всех мероприятий проводились с участием тридцати банков стран СНГ, Центральной и Восточной Европы, а также Восточной Азии[14].

Вместе с тем, говоря о значительном присутствии немецких товаров и услуг на рынках постсоветских государств, следует особо подчеркнуть, что торговля с ними не носила для ФРГ (как и для других стран – членов ЕЭС) ключевой характер. Так, в 1992 г. лишь 5,6 % от общего объема немецкого экспорта шло в бывшие страны советского блока и республики СССР, включая и Российскую Федерацию, которая едва входила в перечень заметных внешнеторговых партнеров Германии. На Россию приходилось 1,7 % германского экспорта и импорта соответственно, хотя доля соседних с ФРГ Польши и Чехии была еще меньше. Объем направленных в 1991 г. в страны Восточной Европы инвестиций (1,2 млрд марок) уступал аналогичному показателю для Люксембурга более чем в семь раз. Такая ситуация сохранялась, даже несмотря на все усилия правительства ФРГ по расширению экспорта на Восток с целью помочь переживающим не лучшие времена предприятиям Восточной Германии. В целом же, по справедливому замечанию немецкого историка Х.-П. Шварца, значение восточных соседей для германской экономики могло значительно возрасти в средне- и долгосрочной перспективе, но не подвергнуть сомнению приоритет западных рынков[15].

Для сравнения: совокупный экспорт всех двенадцати членов ЕЭС в страны Восточной Европы составлял в 1991 г. 17,6 млрд экю, или 5,75 % от общего его объема, в республики бывшего СССР – 14,2 млрд экю, или 4,64 %. Доля товаров и услуг, импортируемых из Восточной Европы в ЕЭС, в том же году составила 4,23 % (16 млрд экю), из постсоветских государств – 4,89 % (18,5 млрд экю). В свою очередь, экспорт из США составлял 23,35 % (71,2 млрд экю), импорт в эту страну – 24,3 % (91,9 млрд экю)[16].

К началу XXI в. положение не изменилось, подтвердив оправданность прогноза Х.-П. Шварца. В 2001 г. из всех бывших стран советского блока в Восточной Европе и республик СССР в десятку крупнейших импортеров немецкой продукции вошла только Польша с 2,4 %. Российскую Федерацию в перечень десяти наиболее значимых внешнеторговых партнеров ФРГ не помогли вывести даже поставки российских энергоносителей в эту страну. Вместе с тем для самой России значение торговли с Германией было несравнимо выше. В 2000 г. ФРГ с 13,8 % занимала первое место среди импортеров в Российскую Федерацию. В эту страну направлялось 9,2 % российского экспорта, что также выводило Германию на первое место. Доля ФРГ в торговле со странами Прибалтики через десять лет после восстановления их независимости не превышала 20 %, несмотря на действовавшие ассоциированные соглашения всех трех стран с ЕС, а также весьма выгодные для нее транспортные возможности. В Эстонии на немецкий импорт приходилось в 2001 г. 11 %, что выводило Германию на второе место по этому показателю, на экспорт – 7 % (ФРГ занимала третье место), в Латвии – 17 % на импорт (первое место), 16,7 % на экспорт (первое место), в Литве – 17 % на импорт (второе место), 13 % на экспорт (третье место). В торговле с Украиной в 2001 г. импорт из Германии составил 8,7 % (третье место), экспорт в эту страну – 4,4 % (четвертое место), с Беларусью в 2001 г., по немецким статистическим данным, – 7,3 % импорта (второе место) и 3,2 % экспорта (пятое место). В Молдове на долю ФРГ в 2000 г. приходилось 10,8 % импорта (четвертое место) и 7,7 % экспорта (третье место). Доля Германии в общем объеме импорта в Казахстан в 2001 г. составила 7,3 % (второе место), в казахском экспорте – 5,9 % (пятое место). Показатели для Кыргызстана в 1999 г. – 7,9 % в импорте (пятое место), 32,7 % в экспорте (первое место, хотя можно усомниться в точности статистических данных). В импорте в Туркменистан в 1998 г. доля ФРГ составила 7 % (четвертое место). В импорте в Узбекистан в 2000 г. – 14 % (четвертое место, но в сравнении с общей долей всех стран – участниц СНГ)[17]. Торговля с остальными постсоветскими странами носила в этот период менее интенсивный характер.

Кроме того, следует подчеркнуть, что ситуация в германо-российской торговле все же начала постепенно меняться на фоне роста экономики России в начале 2000-х гг. в первую очередь благодаря усиливавшейся зависимости Европы от экспорта углеводородных ресурсов из Российской

Федерации. Если в 1997 г. на долю российских нефти и газа приходилось 26,9 % немецкого рынка, то спустя десять лет она увеличилась до 32,5 %. Российский рынок сбыта также приобретал большее значение для немецких товаропроизводителей. Если в 1997 г. в Россию поставлялось 0,5 % произведенных в Германии автомобилей, то к 2008 г. в эту страну шло уже 3,3 % таких товаров. По станкам эти показатели были 2,2 и 5 % соответственно. По химической продукции – 1,4 и 2,6 %[18]. Для других же постсоветских государств динамика двусторонней торговли в целом оставалась прежней. Как справедливо заметил по этому поводу известный политолог Н. В. Злобин, на фоне возможностей российского рынка другие постсоветские экономики в большинстве своем не представляли существенного интереса для серьезных зарубежных инвесторов в силу своих небольших размеров. В случае же республик Средней Азии и Закавказья негативное влияние на их перспективы оказывала слабая транспортная инфраструктура, оставлявшая эти регионы вне главных внешнеторговых путей[19].

Относительно общего объема немецкой помощи постсоветским странам в научных публикациях можно встретить достаточно разные оценки. Но все авторы сходились в одном: доля Германии в ней значительно превосходила вклад других западных государств. Так, немецкий исследователь Х. Тевес указал общий размер помощи странам Центральной и Восточной Европы и бывшим советским республикам в 57 млрд долл. до конца 1994 г. Из них на ФРГ приходилось две трети[20]. Только в 1993 г. около 90 млрд марок было выделено на нужды стран – участниц СНГ[21]. Историк Х.-П. Шварц констатировал, что на Германию приходилось 55 % от всех выплат для этого региона по линии «Межправительственной группы 24»[22]. Авторы вышедшей в 1997 г. книги «Германия в новой эпохе. Непобежденные вызовы» указали, что доля ФРГ составляла 57,45 % от всей помощи странам – членам СНГ[23]. Американский исследователь Д. Гамильтон утверждал, что из 80 млрд долл. помощи постсоветским странам к началу 1992 г. 45,5 млрд, или 57 %, поступили из Германии. Кроме того, отмечалась ключевая роль ФРГ в выделении 24 млрд долл. в рамках «большой семерки», 10 млн долл. на уничтожение советских ядерных запасов, а также принятое в декабре 1992 г. решение федерального правительства отсрочить до 2000 г. оплату за восточногерманскую продукцию, отправленную в СССР, в размере 17,6 млрд марок или 11 млрд долл.[24]

Сам Г. Коль, выступая с докладом «Россия – что делать?», 4 июля 1997 г. в Берлине на коллоквиуме, организованном Обществом за международный диалог им. А. Херрхаузена, весьма детально охарактеризовал усилия ФРГ по оказанию помощи ее ведущему партнеру на постсоветском пространстве – Российской Федерации. Канцлер, в частности, указал, что федеральное правительство предоставило гарантии для торговых операций между двумя странами в объеме 1,5 млрд марок. Еще 1 млрд был зарезервирован для проектов, которые представляли взаимный интерес. Из них 400 млн марок уже нашли конкретное применение. В ответ на критику внутри страны по поводу значительных издержек из-за помощи России Г. Коль заявил, что лучше инвестировать в совместное развитие и сотрудничество двух стран, чем быть вынужденным вновь думать о военных расходах[25]. Кроме того, можно предположить, что такой подход правительства ФРГ к сотрудничеству с Российской Федерацией явно предполагал ответные меры со стороны руководства этой страны. Оказание помощи в проведении экономических реформ благоприятствовало проникновению на российский рынок немецкого капитала, содействовало формированию положительного отношения к Германии. В общей сложности к моменту ухода в отставку Г. Коля объем немецких кредитов, выделенных на различные цели в рамках проведения российских реформ, составил около 100–120 млрд марок[26].

Экономические причины в значительной степени влияли на позицию правительства ФРГ и по такому важному для части постсоветских государств вопросу, как расширение ЕС на Восток. Эффект от приема в союз новых членов, который позволял германским компаниям расширить рынок сбыта для своих товаров и услуг, оценивался в дополнительные 0,5 % ежегодного роста ВВП Германии. Не менее важным представлялось сохранение рабочих мест на немецких предприятиях за счет увеличения экспорта в эти страны. Особое значение для решения этих проблем приобретал размер экономик новых членов ЕС, который определял емкость их внутренних рынков. В связи с этим необходимо заметить, что ВВП Литвы, Латвии и Эстонии составлял в 2001 г. 13,4; 8,5 и 6,1 млрд евро соответственно, что было несопоставимо с размерами экономик ближайших соседей ФРГ. Так, ВВП Польши превышал литовский почти в 15 раз, латвийский – более чем в 23 раза, эстонский – более чем в 32 раза при различии в численности населения в 11, 16 и 27,5 раза соответственно[27]. Иными словами, включение в единое европейское пространство трех прибалтийских экономик едва ли могло оказать на германский экспорт заметное позитивное воздействие.

Совершенно иной эффект мог ожидаться от расширения ЕС за счет ближайших соседей Германии: Польши, Чехии и Венгрии. Все три страны являлись для нее значимыми внешнеторговыми

партнерами. Уже в 1991 г. в ФРГ шло 25,2 % экспорта Чехословакии, 26,9 % – Венгрии, 29,4 % – Польши. В 1992 г. эти доли повысились до 30,6, 27,7 и 31,3 % соответственно. Импорт в эти страны составил: 21,5 % – в Чехословакию, 21,4 % – в Венгрию, 26,5 % – в Польшу. Через год эти доли также увеличились до 24,7 и 23,5 % для первых двух стран. В случае Польши немецкий импорт незначительно сократился – до 23,9 %[28].

В связи с этим представляется отнюдь не случайным, что в пользу приема в ЕС Польши, Чехии, Словакии и Венгрии в 1994 г. высказались от 52 до 57 % опрошенных немцев. По свидетельству американских исследователей Д. Шёнбаума и Э. Понд, жители ФРГ заняли четвертое место из 12 стран – членов ЕС по показателю уровня поддержки вступления в союз этих трех государств[29].

Все эти индикаторы состояния общественного мнения, безусловно, учитывались правительством Г. Коля, которое, как уже упоминалось, было вынуждено решать весьма серьезные проблемы, связанные с включением в социально-экономическую систему ФРГ населения Восточной Германии. Этот непростой процесс, сопровождавшийся высоким уровнем безработицы в новых восточных землях, вынуждал правительство Г. Коля увеличивать бюджетную нагрузку на население западной части страны, что не всегда воспринималось им с должным пониманием.

Поэтому вступление в ЕС очередных претендентов на помощь со стороны ФРГ, в том числе и стран Прибалтики, по вполне очевидным причинам не могло пользоваться безоговорочной поддержкой среди немцев. Так, в начале 2000-х гг., т. е. накануне включения в союз десяти новых членов, планы по расширению ЕС одобряло лишь 43 % населения ФРГ, что было на 7 % ниже среднего уровня поддержки этого решения во всех странах – членах союза в целом. Еще большее нежелание его расширения демонстрировали лишь жители Великобритании и Франции. При этом, если по поводу приема в ЕС Кипра, Мальты, Венгрии, Польши и Чехии все же преобладали положительные оценки, потенциальное вступление в него Словакии, Эстонии, Латвии и Литвы разделило опрошенных жителей стран – «старых» членов ЕС на две приблизительно равные половины. По поводу же приема Болгарии, Румынии, Словении и Турции преобладал скептицизм. Такая позиция объяснялась в первую очередь опасениями относительно снижения уровня жизни и возможности потерять работу. Только около четверти опрошенных немцев верили, что расширение ЕС поможет создать новые рабочие места и улучшит качество их жизни. Жителей ФРГ также беспокоила проблема миграции из принимаемых в союз стран, которая, по мнению двух третей опрошенных, приведет к росту безработицы. Три четверти опасались усиления преступности. И еще две трети боялись снижения высоких стандартов системы социальной защиты[30].

Исходя из данных относительно поддержки расширения ЕС среди жителей Германии, представляется вполне обоснованной очень осторожная и сдержанная позиция правительства Г. Коля по поводу включения в союз новых членов, в том числе и активно стремившихся к этому Литвы, Латвии и Эстонии. В этой связи объясним и явный пессимизм руководства Германии относительно возможных перспектив присоединения к ЕС остальных стран постсоветского региона, к примеру Украины или Молдовы.

В заключение необходимо отметить, что последовательная политика ФРГ по реализации экономических интересов на постсоветском пространстве к концу пребывания у власти правительства Г. Коля увенчалась явным успехом. Республикам бывшего СССР была оказана необходимая помощь для проведения экономических реформ, что позволило сохранить и расширить их внутренние рынки, обеспечив спрос на немецкие товары и услуги, а также сферу для привлечения германского капитала. Структура торгового оборота со всеми постсоветскими странами являлась выгодной для Германии, обеспечивая стабильную прибыль от экспорта дорогостоящей и высокотехнологичной продукции в обмен на сырье и менее дорогие товары. Такой эффект был достигнут еще в годы существования СССР и закреплен в последующий период в торговле с уже независимыми его республиками. Для предприятий из Восточной Германии были предусмотрены льготы, чтобы работать на постсоветских рынках с помощью правительственных гарантий в рамках кредитной линии «Гермес». Немаловажное значение приобрело и создание благоприятных условий для привлечения немецкого капитала в экономику постсоветских стран, в первую очередь России. Особое внимание к этой стране было обусловлено не только стремлением обеспечить успех российских реформ, о чем говорил Г. Коль, но и привлекательностью для немецких деловых кругов емкого внутреннего рынка Российской Федерации, а также потенциальными возможностями доступа капитала к ее высокорентабельным производствам.

[1] См.: Примаков Е. М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 91.
[2] См.: Я и сегодня начал бы перестройку точно так же. Интервью с М. С. Горбачевым // Российская газета. 2011. 15 авг. Режим доступа: http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/rondeli.htm. Дата доступа: 15.08.2011.
[3] См.: Neef K. Die Akte Gorbatschow // Der Spiegel. 2011. № 31. S. 97.

[4] См.: Коротко об экономике // Гутен Таг. 1990. № 8. С. 37.
[5] См.: Короткие сообщения // Там же. № 7. С. 39.
[6] См.: Германо-советская экономическая комиссия // Там же. № 8. С. 38.
[7] См.: Regierungserklaerung zum Gipfeltreffen der Staats- und Regierungschefs der NATO in Rom sowie zur EG-Konferenz in Maastricht. 6. November 1991 / Helmut Kohl – Dokumentenuebersicht // Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. Mode of access: http://helmut-kohl.kas.de/index.php?menu_sel=17&menu_sel2=&menu_sel3=&menu_sel4=&msg=1437. Date of access: 09.02.2012.
[8] См.: Кротов Н. Н. Путь Геракла: история банкира Виктора Геращенко, рассказанная им Николаю Кротову. М., 2011. С. 108–109.
[9] См.: Примаков Е. М. Годы в большой политике. С. 75.
[10] См.: Exportkreditgarantien der Bundesrepublik Deutschland // AuslandsGeschaeftsAbsicherung der Bundesrepublik Deutschland [Electronic resource]. 2011. 21 Juni. Mode of access: http://www.agaportal.de/pages/aga/index.html. Date of access: 18.03.2012.
[11] См.: Примаков Е. М. Годы в большой политике. С. 235–236.
[12] См.: Chwoinizki J. Auf dem Weg in die Wirtschaftsunion? // Wostok. 1994. № 1. Maerz-April. S. 14–15.
[13] См.: Hermes-Deckung für 1994 // Ibid. S. 89.
[14] См.: Deutsche Bundesbank. Geschaeftsbericht 2001. Frankfurt a. M., 2002. S. 189.
[15] См.: Schwarz H.-P. Germany's National and European Interests // Baring A. Germany's New Position in Europe. Problems and Perspectives. Oxford, Providence (RI), 1994. P. 124–126.
[16] См.: Europa in einer Welt im Wandel. Die Aussenbeziehungen der Europaeischen Gemeinschaft. Luxemburg, 1994. S. 7.
[17] См.: Der Fischer Weltalmanach 2003. Zahlen, Daten, Fakten. Frankfurt a. M., 2002. S. 184, 304, 452, 462, 500, 512, 550, 652, 804, 812–813, 826, 862.
[18] См.: Export, Import, Globalisierung. Deutscher Aussenhandel und Welthandel, 1990 bis 2008 // Statistisches Bundesamt [Electronic resource]. Wiesbaden, 2010. S. 21–23, 25. Mode of access: https://www-ec.destatis.de/csp/shop/sfg/ bpm.html.cms.cBroker.cls?cmspath=struktur,Warenkorb.csp&action=basketadd&id=1025288. Date of access: 20.01.2011.
[19] См.: Злобин Н. В. Второй новый миропорядок: Геополитические головоломки. М., 2009. С. 167.
[20] См.: Tewes H. Germany, Civilian Power and the New Europe. Entlarging NATO and the European Union. New York, 2002. P. 98.
[21] См.: Mayer H. G. Central Power, Central Debatte? The German Foreign Policy Community and the Rethinking of European Order // Vision of America and Europe: September 11, Iraq, and Transatlantic Relations. Washington D. C., 2004. Vol. 26. № 3. P. 72.
[22] См.: Schwarz H.-P. Germany's National and European Interests. P. 124.
[23] См.: Bonder M., Roettger B., Ziebura G. Deutschland in einer neuen Weltaera. Die unbewaeltigte Herausforderungen. Opladen, 1997. S. 198.
[24] См.: Hamilton D. New Bargains: Germany As Europe's Central Power // Germany in a New Era. Indianapolis, 1993. P. 131.
[25] См.: Rede anlaesslich des Kolloquiums der Alfred Herrhausen Gesellschaft für internationalen Dialog zum Thema «Russland – Was tun?» in Berlin. 4. Juli 1997 / Helmut Kohl – Dokumentenuebersicht // Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. Mode of access: http://helmut-kohl.kas.de/index.php?menu_sel=17&menu_sel2=&menu_sel3=&menu_sel4=&msg=1707. Date of access: 09.02.2012.
[26] См.: Михеев В. Новый канцлер Германии готов дружить с Россией // Известия. 1998. 29 сент. С. 1.
[27] См.: Information zur politischen Bildung // Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 2002. Aktuell: Erweiterung der Europaeischen Union / W. Woyke (u. a.). S. 16.
[28] См.: Ash T. G. In Europe's Name. Germany and the Divided Continent. New York, 1993. P. 653.
[29] См.: Schoenbaum D., Pond E. The German Question and Other German Questions. New York; Oxford, 1996. P. 66.
[30] См.: Information zur politischen Bildung. S. 18.

Поступила в редакцию 02.05.12.

Владислав Валерьевич Фрольцов – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений.

С. П. ШУПЛЯК

ПАЛОМНИЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается роль традиции паломничеств в духовной жизни средневекового западного общества и выделяется главный их мотив – желание сверхъестественного спасения. Анализируются причины возникновения ограничений паломнического движения. На основании определения функций, которые выполняли религиозные путешествия, делается вывод о ведущем положении паломничеств в системе духовных ценностей общества средневековой Западной Европы.

The role of pilgrimage tradition in spirit life of Western Europe society of Middle Ages is reviewed. Primary motive of pilgrimage i. e. the will of divine salvation is revealed. The reasons of the restrictions appearance on pilgrimage are analyzed. The conclusion about lead role of the pilgrimages in the system of spiritual values of the Western Medieval Europe is made based on the defined functions of the religious journeys.

При изучении различных аспектов общественного развития в эпоху средних веков необходимо прежде всего обратить особое внимание на мировоззрение людей той эпохи. Коренные различия между современным человеком и человеком средневековья заключались не только в сфере материальных благ, техническом прогрессе, уровне образованности, костюмах и т. п., но и в гораздо более глубинных характеристиках, относящихся к той сфере, которую принято определять как ментальность. Иными были сами жизненные ценности людей, смысл человеческой жизни.

Роль христианских ценностей в ментальности западноевропейского средневекового общества была доминантной. Распространение христианства в период Раннего средневековья не могло быть